

18+

Бадим

Никифоров

Пыль (книга из рассказа «Пыль»)

Вадим Никифоров

Пыль (книга из рассказа «Пыль»)

«Издательские решения»

Никифоров В.

Пыль (книга из рассказа «Пыль») / В. Никифоров —
«Издательские решения»,

Метафизическое путешествие человека, обнаружившего, что всё — отношения, достижения, само прошлое — превращается в пыль. История о принятии тлена как единственного материала, из которого только и можно вылепить что-то настоящее.

Пыль (книга из рассказа «Пыль»)

Вадим Никифоров

© Вадим Никифоров, 2026

ISBN 978-5-0070-0997-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синоптики (от греч. «совместно смотрящие») указывает на значительное сходство в содержании, позволяющее объединить их в единый рассказ.

От человека

« — И всё превращается в пыль...

Мой собеседник внимательно слушает. Он не из тех, кто перебивает.

— Отношения, прошлое. Я сделал открытие. Мусор пошел выносить, а в мусорном баке фотографии рассыпью. Жизнь человека. Вот у отца на руках, вот поступил в институт, вот женился. В компании. В путешествии. Родился ребенок. Купил автомобиль. Медаль за заслуги. И смерть. Покойник в гробу такой успокоенный. Вот, мол, пожил, столько сделал. И в мусорном баке.

Выбросил мусор, вернулся домой. Пересмотрел фотографии. Да, столько прожито. Столько воспоминаний. А ну-ка...

И ничего. Кто-то смешное сказал. Куда-то поехали. Люди. События. Все побледнело. Все превращается в пыль. Стал суетиться. Жить-то осталось всего ничего. Мне уже тридцать! Надо успеть пожить по-настоящему!

Срочно завел два романа, куда-то слетал, фотоотчет о путешествиях, взялся писать, записался на живопись, на тренировки ходил, проверил здоровье. И всё превращается в пыль. Есть здоровье. Есть отношения, есть популярность, но только закроешь глаза, чтобы чуть-чуть отдохнуть от тележки, которую прешь в чёртову гору успеха — хлоп, уже утро, и всё, что случилось вчера — не существует.

Ах, так! И обиделся. Стал прожигать эту жизнь. Будто есть запасная, нормальная. Попробовал, устал. Все не то, всё не радует. Шарик те же, что в детстве, а не веселят уже. Что, умирать? Мне всего тридцать лет, как-то глупо. Всякие книжки про самопознание, про осознанность, религиозные... Пробовал их. Пробовал жить одним днем. Изменял и себе, и сознанию. Безрезультатно. Точнее, один результат: утро, солнце, в лучах пляшут пылинки. Мои.

Отчаялся. Это же дно. От него оттолкнуться, и к свету. Но где этот свет?

Когда на вопросы не осталось ответов ни у кого, до кого я сумел достучаться, я сдался. Конец. Лежу и смотрю на пылинки. Им весело, сукам. Пляшут в лучах. Я бы тоже.

И понял, что надо становиться таким, как они. Все же тлен! Что лепить куличики из этого тлена? Надо быть выше. И вот.

Мой собеседник молчит. Он не из тех, кто предлагает ответы.

— Я же только спросить... Я всё правильно сделал? Ну, что освободился от тлена?

Я еще как освободился. Про самоубийц говорят, что, мол, из жизни ушел. Просто убили себя, тоже мне выход. Халява. А я подготовился. Раз — раздал все долги, два — прекратил отношения, три — распорядился имуществом, чтобы не пропало, на пользу пошло. Хоть кому-нибудь. С государством порвал (кстати, самое сложное). Нет, соврал, самое сложное было выбить привычки. Это как из ковра, только без пылесоса и выбивалки. Я от них убежал. Они догоняли, я убегал, они догоняли, когда уставал, и душили, но постепенно отстали. Одна за

одной. Как там у буддистов: сначала пропали желания, после желание, чтобы пропали желания, потом даже память о них... Ни зла. Ни добра. Ни сострадания, ни вожеления, ни безразличия. Все, я свободен.

И только подумал: открывается дверь и оттуда:

— Привет, это дверь в подсознание. Хочешь войти?

А я на дороге из никуда в ниоткуда, слева кусты, справа река, прямоугольник двери висит над дорогой, и оттуда приятная музыка, свет, и булками пахнет.

— Не, — говорю, — Проходили уже. Там у вас музыка, булки, девчонки, поди. Я только отделился.

А мне говорят:

— Ну, можно без музыки. И булки давай уберем. И девчонок. Давай, заходи!

И зашел. И вот он я.

Мой собеседник молчит. Он не из тех, кто отвечает за обещания голосов подсознания.

А мне хорошо в подсознании. Я ничего не хочу, но тут всё возможно. Это удобно. Если вдруг захочу. Это же просто свобода! Можно всё что угодно, и я не хочу добровольно. Не по нужде.

А собеседника встретил на остановке. Там остановка автобуса. Можно машину, да хоть самолет, и остановка для этого. Я просто мимо гулял, как мне надо, без цели, а он там сидит. Остановился. Поклонился. Он поклонился. И захотелось ему рассказать, как я здесь оказался и почему. И рассказал.

— Ну, что я пойду? Я даже не знаю, зачем я спросил, что я правильно сделал. Наверно, привычка осталась. Всё-таки что-то осталось. Пойду...

— Подождите!

К остановке подъехал автобус, подождал и поехал. Двери не стал открывать. А мой собеседник, видать, ждал его. И «подождите» — автобусу.

Тот остановился. Двери открылись... Собеседник зашел, двери закрылись, я помахал: до свидания. Собеседник что-то сказал. Из-за стекла не расслышал. Тогда собеседник вынул бумажку, скомкал в комочек, бросил в форточку мне, и автобус уехал.

Написано: «Ты молодец. Ты всё правильно сделал».

Ну надо же! Столько бежал от желаний, а оказалось, что мне поддержка нужна! Я всё правильно сделал! Я молодец! Так полегчало!

И тут же появляется дверь, на которой написано: «Вы молодец. Вы всё правильно сделали. Вон из подсознания».

Вышел. Дорога. Слева кусты, справа река. Но всё по-другому!

Сел на попутку, доехал до порта. В порту завербовался матросом, объехал полмира, на второй половине его сошел с корабля, записался на курсы, закончил с отличием, стал капитаном, работал по найму, заработал на яхту океанского класса, столько важных людей мечтали пройти по Атлантике у меня в экипаже. И я их выбирал не по важности, а по способности много работать, не задаваться. Есть, что дают, и не бояться серьезной погоды.

Яхту назвал — «Собеседник». В честь собеседника. Мы один организм, и если команда плохая — организму не нравится. Кто-то вообще не вписался и уходил в президенты, в тираны, кто-то пытался, как я, стать капитаном, но срывался на славе, деньгах, или желании всё покорить. Кто-то хотел быть со мной до конца. «Но до какого конца? До вашего?» — спрашивал я.

Сразу смущались. Они не хотели конца. Но ждали, когда это кончится. У них интересное это. Это работа, это страдания, это что-то тяжелое. Жизнь, вообще-то. Ждали конца. Не говорили о нем. То ли боялись, то ли смущались своих представлений о нём.

А я выбрал Атлантику, потому что в ней много пространства. От полюса к полюсу. Сколько свободы. Безумно надеяться. Странно ждать завтра. Прошлое — что это? Что было

со мной вон на той широте? Только другая вода, небо и воздух. Что еще надо? Мне и это не надо, но что еще надо?

Собирались команды, распадалась команды. Я стал легендой. Я не хотел, но они так решили. Ждали легенды. Ждали в портах, книги давали пописывать. Потом их дарили. Потихоньку выбрасывал, чтоб не обидеть. Обида же тоже иллюзия. Ты кого-то обидел, кто-то обидел тебя. И у вас уже связь. Это эмоция. А эмоции — миф. Люди — миф, а их эмоции — их эмоции — миф о мифах.

И на каком-то экваторе, кто их считает — пересечения, я стоял у руля, солнце бросило луч в дыру облаков, и на тебе — пыль. Так грустно танцует. Мол, столько не виделись. Я-то тебя не забыла! А ты? Испугался, и сразу — волна за волной: смятение, злость, где я сделал неправильно? Кто виноват? Всё эти команды!

И команда восстала: «Вы капитан не такой! Нам нужен нормальный!»

Пожалуйста. Вышел в порту из себя, хлопнул дверью каюты, по трапу в какие-то дебри портовые.

Три дня был бродягой. Тоже статус. Поэтому от непривычки болел. Так тяжело снова быть кем-то. Ограниченность в движениях, мыслях. Даже спать неудобно. От этого пил, познакомился с бандой бродяг, в пьяном угаре кого-то ограбили, и кого мы ограбили — сам стал бродягой. Мне говорили, что общество не принимает таких. Что у общества правила. Говорили так гордо, будто бродяги вне общества. А если они подчинятся правилам — то какие же вне?

Вышел в люди. Так у них говорят. Встретил женщину. Договорились пожить какое-то время вдвоем. Появился ребенок. Женщина рада. Говорит, что меня полюбила. Мне не жалко, я тоже готов сосуществовать с этой женщиной. Мне настолько не жалко себя, что я готов делать всё, чтобы ей было здорово. И ей было здорово. И ребенку. Прожили до совершеннолетия того мальчика. В стране, где мы жили, случилась война, и мальчик пошел на нее. Женщина переживала, что его там убьют. А он стал героем. Вернулся с медалями. Дали денег за его достижения. Женщина бросила должность в конторе и стала художницей. Мальчик (мужчина уже) обзавелся семьей и основал фонд ветеранов. Уважаемый член местного общества. Женщина — признанный мастер в технике пуантилизма [1]. Я вижу пыль. Она в картине, от медалей, от дома, от местного общества, от женщины, мальчика-мужа. Она от меня. Я рассыпаюсь.

Ушел в монастырь. Брать не хотели, думали, что прохиндей, от государства скрываешься. А я выбрал — такой. Чтобы был в глуши, неприметный, и про него нигде не написано. Прошел три страны, не по дорогам, тропинками, и нашел-таки. Обтрепался, конечно. С трудом доказал, что не пьяница, блудник, убийца, что у них там не одобряется.

Дали работу могилы копать. Монахов немного, мрут редко, и надо копать наперед, чтобы помнить о смерти. В лес уходил, ямы копать и смеяться. Помнить о смерти! Разве это проблема? Вот пыль!

Получаются ямы, будто там уже был кто-то. Был дураком, думал, что прах — это кости, следы разложения. Нет, всё превращается в пыль. В каждой могиле после определенного срока, лежит кучка пыли. И ждет, чтобы кто-то разрыл. Я смирился. Видать, это жизнь. Вот такая. Все — пыль. Если я никогда не исчезну, я знаю, заполню пылью вселенную.

И позвали меня на беседу. Так, мол, и так, много копаешь, смиряешься. Видимо, что-то открыл для себя. А я столько открыл этой пыли!

— Ну да, — говорю, — Можно так сказать.

А они: — У тебя просветление.

— Как? То есть, что?

— Просветление. Ты же старец.

А мне тридцать лет. Как было, когда началось, так и осталось. Пыль никого и ничто не падит, а меня бережет. Для чего-то я нужен ей.

Я: — А как доказать просветление?

Раз такая игра, так пусть такая игра.

А они: — Сделай чудо.

А я не могу. Для чуда надо сильно хотеть, а я ничего не хочу.

Говорю: — Что вам сделать? Хотите, еще покопаю?

— Не надо. Вон там у нас человек умирает. Его исцелишь?

Ну пошел посмотреть. Лежит человек, смотрит в стенку. Монах.

— Что, — говорю, — Умираешь?

— Ага.

— А отчего?

— Да жить надоело.

— А что так?

— Да старый.

— Понятно. А ты как определяешь, что старый?

— Много пожил, много видел.

— И где твое много?

— А вот, — достает из-под кровати сундук. А там фотографии, записи. Пыль.

— Эх, — говорю, — Ты потряси свой сундук.

Он потряс. А воспоминания взвились, дышать трудно стало. Мы расчихались. Солнце сунулось в комнату.

— Вот видишь. Ну, лучше тебе?

Перестал умирать.

Написали бумагу в инстанцию, так, мол, и так, у нас чудотворец. Прислали проверку. Один такой важный, в крестах и медалях, мне говорит:

— Ну, чудотворец. А ну, давай, чудотвори. Я вас, прохиндеев, не раз выводил на чистую воду.

— И что, — говорю, — много вывели?

— Сотни!

— Понятно. И стало вам лучше? Сколько вы помните?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.